



# ПРАВДА

Газета основана  
5 мая 1912 года  
В. И. Л Е Н И Н Ы М

Орган Центрального Комитета КПРФ

→ Газета "Правда" • Номер газет • В410 (20100) 29 апреля — 5 мая 2014 года • Сколько это можно бежать на месте?

Понедельник, 28 Апрель 2014 14:43

## СКОЛЬКО ЖЕ МОЖНО БЕЖАТЬ НА МЕСТЕ?

Автор Евгений КОЗЛОВСКИЙ.

*Легендарный советский министр Евгений КОЗЛОВСКИЙ в беседе с политическим обозревателем «Правды» Виктором КОЖЕМЯКО*

*В слове «легендарный» по отношению к этому человеку нет ни капли преувеличения. А сделали таковым Евгения Александровича Козловского его поистине выдающиеся заслуги перед Родиной, огромный вклад в развитие геологии — одной из важнейших отраслей народного хозяйства в Советской державе.*

*Он был министром геологии СССР с 1975 по 1989 год. И за эти 14 лет страна обогатилась целым рядом крупных открытий полезных ископаемых, необходимых для дальнейшего подъёма экономики. Наш минерально-сырьевой потенциал возрос тогда вдвое!*

*Все многочисленные награды и почётные звания, которых удостоен Евгений Александрович, даже не берусь перечислять. Отмечу только, что он лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, а за последнее время стал также лауреатом премии «Человек года» в номинации «Наука» и премии «Легенда горной промышленности».*

*Общественные награды последних лет (именно общественные — Почётную грамоту от президента Д.А. Медведева в 2011 году, как известно, он не принял) присуждены отнюдь не за прошлое. Козловский с необычными для его возраста активностью и плодотворностью трудится и сегодня. Доктор технических наук, профессор Российского государственного геологоразведочного университета имени С. Орджоникидзе, директор Института геолого-экономических проблем, вице-президент Российской академии естественных наук, член Высшего горного совета России — всё это подтверждается каждодневной напряжённой работой.*

*Одна за другой выходят его книги, среди которых стоит выделить фундаментальный труд «Уроки Великой войны. Геология и национальная безопасность». Публикуются острые аналитические статьи, ярко выражающие не только профессиональную, научную, но и гражданскую позицию автора. По моему ощущению, главное, что им движет, — это боль за родную страну и стремление*

**всеми силами помочь ей выйти из труднейшего положения, в котором она оказалась по воле так называемых реформаторов.**

**Об этом больше всего говорил он в нашей беседе, опубликованной 2 марта 2012 года под заголовком «Безопасность в опасности». Прошло время.**

**Я знал, что 7 мая 2014-го ему исполнится 85. Предложил ещё раз побеседовать для «Правды», и он согласился.**

**Однако разговор у нас получился совсем не юбилейный.**

## **Война, Победа и путь от рабочего до министра**

**— Дата вашего дня рождения, Евгений Александрович, почти совпадает с Днём Победы. По возрасту вас надо отнести к поколению «детей войны», и вместе с тем вы её участник...**

— Да, подростком был в партизанском отряде, в Белоруссии. Там, можно сказать, прошёл первую свою школу.

Война весь советский народ испытывала на излом, но мы выдержали. Хотя потери, конечно, тяжкие. Шестерых моих родственников фашисты расстреляли или живыми закопали в землю, повешен дядя — тоже партизан, погиб на фронте отец. Во мне партизанская борьба, когда не было ничего важнее в жизни, чем победа над страшным врагом, воспитывала характер.

**— Вы поступили в Минское артиллерийское училище, потому что сперва решили стать военным?**

— Это само собой разумеется. Поступил под влиянием той же войны. И в училище всё у меня складывалось хорошо: сержант, старший сержант, старшина. Окончил с серебряной медалью, но в академию не пошёл. К тому времени в стране развернулся небывалый размах созидательных работ, и меня повлекла к себе геология. Стал студентом Московского геологоразведочного института, который окончил в 1953 году.

**— И сразу — на Дальний Восток. Буровым мастером, то есть фактически рабочим. Нынешних молодых, если они сталкиваются с биографиями выдающихся командиров советского производства, сильно озадачивает этот типичный тогда путь от рабочего до министра. Как это — без протекции, без удачных родственных связей?**

— А вот так. Вы правы: путь был типичным. Поэтому если и обо мне говорить, дорога от рабочего до министра была определена советской системой подготовки, воспитания и выдвижения кадров. В ходе работы тщательно изучался каждый человек. Как говорится, по его деловым и моральным качествам.

Ошибки, конечно, бывали, не без этого. Но всё-таки надо признать, что в основном система действовала. Шла «отбраковка» тех, кого нельзя было допускать во власть. И это правильно, некоторым обязательно и вовремя следует преградить путь к власти. Преградить категорически! Иначе мы ведь посмотрелись за последние годы, что бывает: все эти сердюковы, скрынники и несть им числа...

Власть в моём понимании — это бескорыстное служение Отечеству, а не обворовывание его. Есть разница?

## Развития как не было, так и нет

— *Мы с вами, Евгений Александрович, беседовали два с лишним года назад — перед президентскими выборами 2012-го. Тогда в газетах печатались программные статьи В.В. Путина, которые после выборов вылились в так называемые майские указы президента. По главным направлениям предстоящего развития страны, и основной целью ставилось именно развитие. Что вы могли бы сказать о результатах два года спустя?*

— Развития как не было, так и нет. Горько сознавать, но это итог не двухлетний, а за все последние 23 года. Ведь мы до сих пор даже не достигли советского уровня 1989—1990 годов, предшествовавших развалу! И всё это время я одно и то же долдоню нашему «дорогому» в кавычках правительству. У меня к моему 75-летию собрался толстый том статей, выступлений и обращений на очень злободневные темы. Затем ещё один такой же — к 80-летию, и вот теперь, пожалуйста, вышел третий том. Но главное в них одно.

— *Что же это, если коротко сказать? О чём «долдоните»?*

— Смысл моих обращений к власти такой: задумайтесь в конце концов, что вы делаете! Время идёт, и вроде бы что-то в экономике происходит. Но именно «вроде бы». Поневоле возникает ассоциация с бегом на месте. Нет движения вперёд!

— *Хотя времени минуло уже немало. За двадцать советских лет после Гражданской войны сколько было сделано в стране, как много построено, какие совсем новые отрасли созданы...*

— Совершенно верно. Я об этом постоянно и говорю. Три неполные предвоенные пятилетки страну преобразили неузнаваемо. Цифры известны, но каждый раз обращение к ним потрясает. Ведь было построено 9 тысяч новых современных предприятий, и, преодолев былую технико-экономическую отсталость, Советский Союз увеличил выпуск промышленной продукции в 6,5 раза, а средств производства — в 10 раз. Доля СССР в мировом производстве составила 10 процентов (а доля царской России до революции была 3—4 процента).

Оговорюсь, что США для такого роста потребовалось в своё время более 40 лет. То есть у нас свой уникальный, гигантский опыт, так давайте к нему обратимся, а не будем искать хорошее только где-то на стороне.

— *Важная мысль. Однако возможно ли это при прочно установившейся и всемерно внедряемой уже четверть века идеологии оголтелого антисоветизма? То президент заявит, что, кроме галош для Африки, в советское время на экспорт ничего не производилось. То вдруг он же «откроет», будто в Советском Союзе не было мясного животноводства...*

— Абсурда, к сожалению, хватает. В первую очередь, я считаю, власти сегодня необходим объективный глубокий анализ того, что было и к чему пришли. Подчёркиваю: объективный, правдивый, честный.

— *Власть его избегает?*

— На мой взгляд, безусловно. Я сейчас заканчиваю ещё одну очень серьёзную работу, которая займёт, наверное, более 600 страниц. Называется так: «Минерально-сырьевые ресурсы мира и России».

— *Сравнительный анализ?*

— Да. Там есть даже раздел «Экономика мира их глазами». То есть их же собственные рассуждения об их экономике. А вывод, относящийся к нашей стране, следующий: мы за последние десятилетия серьёзно заблудились. И надо где-то остановиться, оглядеться, чтобы выйти из леса. Собрать все мозги лучшие и объективно определить, где мы находимся.

Власть увивляет от этой прямой оценки. Всё как-то вокруг да около: туманная игра словами и цифрами, создание видимости чего-то... Между тем думающие люди есть. Беда в том, что их не слышат.

— ***Точнее, наверное, надо сказать несколько иначе: не хотят слышать. Это относится и к вашим работам, и к программам, которые предлагает КПРФ...***

— Однако реальный выход, подчеркну, лишь в том, чтобы на основе объективного анализа ситуации, в которую мы попали, менять курс. Конкретно определить, что для этого прежде всего необходимо сделать и как сделать. И вот тут возникает вопрос: а есть ли ресурсы для нашего движения вперёд?

## **О ресурсах и отношении к ним**

— ***Как вы сами на этот поставленный вопрос отвечаете?***

— Давайте вместе подумаем. Более двадцати лет мы живём за счёт минерально-сырьевой базы. Она в экономике страны составляет почти 80 процентов. То есть мы нещадно уничтожаем это драгоценное своё достояние, не думая о будущих поколениях. Причём совершенно самое недопустимое из того, чем только можно было навредить своей стране: подорвана система стратегического исследования недр, созданная огромным трудом предшествующих поколений, начиная ещё с Петра Первого.

Эта система веками постепенно вырабатывалась. И вдруг кому-то показалось, что в Америке она лучше, хотя условия там совершенно другие и живут они при помощи силы оружия за счёт использования минерально-сырьевых ресурсов чуть ли не всего мира...

Да, к величайшему сожалению, у нас оказалась разрушенной государственная система исследования недр, существовавшая и прекрасно действовавшая в СССР. Она предусматривала стратегическое решение проблем, для чего существовали головные институты, обеспечивавшие научный задел, который затем подтверждался и реализовывался научно-производственными объединениями. И это — в каждой республике, в каждом регионе.

— ***А как же было допущено и как пошло разрушение системы?***

— Ликвидировали прежде всего Министерство геологии, которое, прямо скажу, было одним из основополагающих в СССР. Началось же с заявления Гайдара, который вдруг ошарашил: «Геология? Я такую отрасль не знаю».

— ***Потрясающе!***

— Поверьте, было сказано именно так. И невежество этого человека или, может быть, нечто ещё хуже повлекло за собой тотальную переоценку дел в геологии да и самой роли её, подрыв всей нашей чётко отлаженной службы.

У нас было большое хозяйство, которое мгновенно оказалось приватизировано невесть кем и ради чего. И тут же начался массовый отток кадров. Геология в советское время недостатка в кадрах никогда не испытывала. Профессия геолога была колоссально привлекательной.

— *Ещё бы! Почётной была, считалась романтической. Сколько песен про неё было создано, стихов, повестей и фильмов, какие замечательные художники посвятили геологам свои талантливые картины...*

— Всё верно. А тут вдруг — полный обвал. И повернулось так, что никто не хочет идти в геологию. Зачем, если гораздо легче можно получить базарные деньги?

Беда ещё вот в чём. Многие работающие в отрасли не понимали того, что происходит. А произошло ведь ужасное. Вот я поставлю вопрос: сколько в разных странах государство получает с каждой тонны добытой нефти? И для примера скажу: в Норвегии около 80 процентов нефтяной прибыли идёт государству, в Анголе, с которой я хорошо знаком, — 75, в Соединённых Штатах — примерно 65, в Объединённых Арабских Эмиратах — почти 80. А в сегодняшней России сколько, как вы думаете?

— *Не представляю.*

— Да большинству в стране это неизвестно. Всего 34 процента достаётся государству!

— *А остальное?*

— В карман частным дельцам. По этой злой цифре можно судить о масштабе нынешних «воров-карманников» в нашей стране. К тому же учтите, что они делятся с людьми во власти. А это приводит к параличу ответственности служащих государства, то есть в конечном счёте морально разлагает его. Могу сказать, например: сегодня вы не сможете заключить договор на проведение научно-исследовательских работ, если не обеспечите так называемый откат. Ну и много чего ещё происходит в том же роде, что абсолютно немыслимо было в советское время.

Надо сознавать, что, вырастив такую растлевающую коррупционную систему, никакое политическое решение невозможно сполна претворить в жизнь. С этим напрямую связано и невероятное озлобление людей. Разве то, чем вызвано было начало трагических событий на Украине, является новостью здесь, в России? Да у нас творится то же самое, и дело лишь в том, до каких пор народ сможет такое терпеть.

Вот я читаю сейчас письмо, которое мне передали с Украины. Пишет человек, имеющий отношение к геологии. Факты приводит вопиющие. А я вижу, что и у нас их не меньше. Так что власть российская играет с огнём, не противостоя всему этому с должной решительностью, твёрдостью и настойчивостью.

Конечно, чтобы одолеть зло, достигшее такого размаха, надо обладать гигантской ответственностью и силой воли. Иначе в столь гнилом мире ничего не изменишь. И это хорошо видно на положении в моей родной отрасли за все последние годы.

Например, долго сидел во главе министерства природных ресурсов Трутнев. А что сделано? Есть ли хоть какие-то перемены к лучшему? Нет. И я ни разу не слышал ни одного его серьёзного выступления по делам и проблемам, требующим решения. Причина, по-моему, в том, что человек внутренне пуст. Но ему на столько лет доверили такой ответственный участок работы! А отсюда пошёл на другой, не менее ответственный: министром по развитию Дальнего Востока. Но можно ли и там чего-то дельного ждать от него? Считаю, это бесполезно.

## **Власть не видит и не слышит**

— *Вы ведь хорошо знаете Дальний Восток, много лет работали там. А советуются с вами по каким-то кардинальным вопросам его развития?*

— Нет. Да и по другим вопросам — тоже. Я уж перестал ходить на некоторые совещания, куда приглашают, казалось бы, для дела, а фактически — для трёпа, для пустого времяпровождения.

«Мы собирались, мы обсуждали...» Ну собрались — и разошлись. А толк какой? Потерянное время. Что в Думе, что в Совете Федерации, да и в других инстанциях.

Между тем проблемы есть буквально кричащие. О них не болтать надо, а основательно прорабатывать способы решения и как можно скорее принимать реальные меры. Возьмём ту же зону Дальнего Востока. Тянут трубопроводы. Но дело в том, что ведь эти трубопроводы — ни газовый, ни нефтяной — не обеспечены серьёзными запасами сырья. Обеспеченность нефтепровода сегодня всего на 12 лет, а предусмотрен он на 30. Чем же заполнять?

Решают взять нефть из месторождения в Тюмени. В прошлом году раскупорили последнее месторождение там. И оттуда три с половиной тысячи километров надо тянуть трубопровод, чтобы заполнить экспортную трубу. А потом опять вопрос: продать-то можно, только ведь развитие самого этого огромного края невозможно без нефти и газа!

**— Государственный подход вроде бы именно заботу об этом подсказывает.**

— Вот и задумываешься поневоле: а кто же они, эти люди, сидящие ныне во власти? Чем на самом деле озабочены? Что у них в голове на самом деле? Можно ли с ними вести деловой разговор? Я думаю, не заинтересованы они в нём. Отсюда и окружение до крайности некомпетентное. Произошла же горькая шутка с нами, когда руководителем в Роснедра назначили... ветеринарного врача!

**— Неужели?**

— Конечно. И восемь лет управлял. Ещё повезло нам в том смысле, что человек оказался достаточно порядочный, сохранивший заряд советского воспитания. Так он хоть с должным уважением к геологам относился. Но само-то по себе — геологией управляет ветеринарный врач — куда это годится?

**— Какое управление, такие и результаты? Я вот заглянул на днях во второе издание весьма поучительной книги — «Министры советской эпохи». Есть там рассказ о министре Е.А. Козловском. Выписал, в частности, следующее:**

**«За период его пребывания на посту министра геологии СССР произошли существенные изменения. В 12-й пятилетке (по сравнению с 8-й) прирост запасов по всем видам минерального сырья вырос в два раза; объём геологоразведочных работ в 3,8 раза, при этом за счёт капложений в 7,1 раза; объём бурения на нефть и газ в 2,6 раза; строительно-монтажные работы в 4,8; временное строительство и обустройство в 5,1 раза; реализация промышленной продукции в 3,7; основные производственные фонды увеличились в 4,5 раза».**

**Сухие цифры, даже без комментариев, говорят о многом! А может ли сегодня предъявить нечто подобное хоть один российский министр?**

— Мне кажется, у них изначально совсем иная психология. Он приходит на должность, сознавая, что это время отведено ему для максимального обустройства личных дел. Он чувствует атмосферу вокруг и ею руководствуется: обогащайся! А всё остальное — на втором или третьем плане...

**— Вы очень точно сказали про атмосферу. Она, судя по всему, и определяет психологию.**

— Недавно записывали мои воспоминания для Главной научной библиотеки МГУ. Спрашивают: а как оплачивался труд геологов? Отвечаю: неплохо, но не больше того. Однако за всё время моей работы я не помню случая, чтобы кто-то ко мне пришёл и сказал: маловат оклад, надо бы прибавить. Некрасивым считалось. А сейчас даже такого понятия не существует.

Приходится ныне молодым объяснять, что реально были у людей такие движущие мотивы, как сознание своего высокого предназначения, причастности к великому делу, и ещё, что немаловажно, был коллектив. Спаянный и нацеленный на общую большую задачу. Руководитель же в те времена всегда находился на виду, и потому каждый его шаг оценивался людьми.

Вернусь к оплате. У меня как у министра оклад был 700 рублей (позднее Косыгин поднял до 800), а у бурового мастера в Тюмени — 10 тысяч. И это правильно, справедливо. Условия труда у него такие.

**— *Согласитесь, особенно не хватает сегодня справедливости, что сказывается буквально на всём.***

— Согласен. Вспухли, скажем, со своими огромными деньгами эти газовые и нефтяные короли, а все, кто в отрасли работает, для них просто быдло, рабы. Их и за людей не считают. Могут выгнать в любой момент. А это, знаете ли, добывает производственный процесс.

**— *Капитализм добывает?***

— Конечно. Не стимулирует человека сознание, что он работает для пополнения чьего-то денежного мешка, а не во имя всего народа и своего государства.

Речь идёт о необходимости кардинальной смены социально-экономического курса, о коренной смене идеологии. Именно в сторону социальной справедливости. Иначе будет у нас свой Майдан, а то и что-нибудь похуже.

**— *Власть не понимает этого?***

— Есть какая-то зашоренность. Вы верно говорили: не хотят видеть в нашем советском прошлом ничего хорошего. Я вам приведу пример из своего письма президенту Д.А. Медведеву от 11 апреля 2011 года. Пришлось тогда существенно его поправить в одном возмущившем меня утверждении. Вот послушайте:

«Кстати, я пользуюсь случаем, чтобы напомнить вам, что «сырьевая экономика» зародилась не в советское время, как вы уверяете, а именно в годы так называемой перестройки. Вы подчеркнули: «Зависимость нашей экономики от сырья возникла не в то время, когда Путин был президентом, а уже 40 лет назад. Чтобы это изменить, требуется длительное время». Так вот, 40 лет назад (в 1970 г.) доля топливно-энергетических товаров в структуре экспорта СССР составляла 15,7%. Эти же товары в структуре российского экспорта в 2008 г. составляли 67,8% (!). Но дело в том, что в те времена экспорт машин и оборудования составлял 21,5% (в 2008 г. — 4,9%), продовольствия и сельскохозяйственного сырья 8,9% (в 2008 г. — 2%). Прежде чем лечить больного, как известно, надо поставить правильный диагноз! Произошло это потому, что большая часть промышленно-производственного потенциала, унаследованного от СССР, практически развалена в результате бездарного управления экономикой России!»

## **Переходить на иные рельсы!**

**— *Да, что бы ни болтала власть сегодня, а Советский Союз не был сырьевым придатком других стран, во что превращена нынешняя Россия. Значит, вопрос в том, как распорядиться сырьём, на что его направить?***

— Разумеется. Ведь наши минерально-сырьевые запасы — великое преимущество, дар свыше. А вот умение использовать экономику «легко заработанных» (в первую очередь — нефтяных и газовых) денег для новаторского прорыва, технического и технологического совершенствования — это задача руководства страны.

Но как раз здесь-то и очевидна самая большая наша слабость. В государственном управлении, уровне организации дела, недостатке профессионализма. Руководством только говорится о модернизации, инновациях, нанотехнологиях и т.п., а на деле ничего этого нет. Наоборот, происходит спад инновационной активности. Освоением инновационной продукции занимаются сейчас лишь 6 процентов отечественных предприятий (а в Германии, США, Франции и Японии — от 70 до 82 процентов). Если сравнить с 1991 годом, то наукоёмкость нашего промышленного производства снизилась в 2,5 раза! Вполне понятно, что доля топливно-энергетических ресурсов в нашем экспорте продолжает расти, составив уже 87,5 процента.

**— Исключительно важна при всём при том, наверное, минерально-сырьевая обеспеченность государства на перспективу. Как её оцениваете?**

— Плохо. Даже очень плохо. Катастрофическое снижение объёмов геологоразведочных работ чревато опасными угрозами. До 2025 года будут почти полностью исчерпаны разведанные запасы нефти, газа и свинца, почти три четверти запасов молибдена, никеля, меди, олова. А запасы алмазов и золота могут оказаться полностью исчерпанными уже к 2015 году, серебра и цинка — к 2020-му.

С другой стороны, есть не менее важная проблема: а насколько разумно ведётся добыча — по-хозяйски или по-варварски? Сейчас хвалятся: установили рекорд добычи нефти. Что ж, установили. Но как? Коэффициент извлечения всего 25—30 процентов! Идёт, что называется, снятие пенек. В советское время коэффициент этот достиг 50 процентов. Но для того требовались новые методы, большая научно-техническая работа. Теперь же действуют иначе: выхватили сверху, продали — и довольны. А научно-технический прогресс сведён к минимуму!

**— Короче говоря, в этом мы даже не топчемся на месте, а пятимся назад?**

— Именно. Я настойчиво требовал и требую: добиться, чтобы не позорные 34 процента от продажи нефти получало государство, а хотя бы 60. И направить эти дополнительные средства на создание фонда высоких технологий. То есть за счёт сырьевого нашего богатства ускоренными темпами создавать ту самую промышленность высоких технологий, о которой так много разговоров и которая действительно более чем необходима нашей стране.

**— Вы-то настаиваете, но воз и ныне там. Как же всё-таки пробить эту стену?**

— Гранатой, наверное... Впрочем, если без шуток, пора покончить с глупым внушением, которое за четверть века укоренилось в российских верхах: дескать, рынок сам определит и установит всё как надо. Нигде же ничего подобного нет! В Америке регулируется половина промышленного производства. В Японии составляют порядка 20 тысяч балансов...

**— Про социалистический Китай всем известно, чем обеспечены его феноменальные успехи...**

— А почему, спрашивается, у нас до сих пор нет органа, который по-настоящему руководил бы промышленным развитием? Ведь министерство экономики не занимается этим. Когда мы вспоминаем Госплан, то понимаем, как продуманно и серьёзно он был выстроен, какие компетентные люди там работали. Но не хотят использовать тот опыт.

При жизни Николая Константиновича Байбакова, многолетнего председателя Госплана, мы часто говорили об этом. Боль у него была невероятная. Не раз писали и президенту, и в правительство. Без толку! И, знаете, я стал замечать, что уже с трудом заставляю себя идти к кому-то во власть, чтобы поставить действительно неотложный и важный вопрос. Если ты говоришь о деле, а видишь перед собой пустой взгляд, в котором лишь одно: «Скорей бы ты ушёл», — поневоле всякий интерес пропадает.

**— Значит, на этом месте во власти должен быть другой человек?**



— Безусловно. Ответственный, болеющий за дело. В правительстве советском, где мне довелось работать при Косыгине, таких было большинство. Ни одного министра, который ранее не поработал бы начальником цеха, директором завода. Все эту производственную школу прошли. И важно ещё, что все были сцементированы общегосударственными целями и задачами!

— ***А сегодня этого, конечно, нет?***

— Увы, нет ни первого, ни второго. Что порождает некомпетентность и безответственность сверху донизу.

Мы, бывшие советские министры, коллективно обращались со своими тревогами и предложениями к нынешнему руководству страны. Вот в этой моей новой книге есть наше открытое письмо 2009 года. О чём речь? Кризис управления, моральный кризис, структурный и так далее.

— ***По сей день всё это остаётся?***

— К сожалению, да.

— ***То есть действительно происходит толкотня на месте. А ваш голос не хотят слышать, поскольку это голос из советского прошлого.***

— Крайне им неприятного, потому что своими великими достижениями является это прошлое самым сильным упрёком им. В народе нашем хорошо сказано: «Не плюй в колодец — пригодится водицы напиться». У нас же много в советский колодец наплевали...

А между тем я повторю: сколько бы ни искали нужный опыт развития на стороне, лучше советского найти невозможно. Наш предвоенный рывок вперёд вообще не имеет равных себе в мире. Говорят: это мобилизационная экономика, а теперь, мол, народ на такое не пойдёт. Понятно, что не пойдёт — при нынешнем строе, нынешней системе отношений в обществе. Когда от мобилизации народных сил могут выиграть лишь олигархи, а не народ и страна в целом.

Стало быть, надо переходить на иные рельсы во всём — социально-экономически, идеологически, морально...

Опубликовано в **№46 (30108) 29 апреля — 5 мая 2014 года**